

10. Современный русский язык. – Ч. 1. – М. : Владос, 2001. – 346 с.

11. Венжинович, Н. Ф. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов в русском и украинском языках / Н. Ф. Венжинович // Материалы XXXIX международной филологической конференции (15–19 марта 2010 года). – Вып. 22. Фразеология и языковая динамика. – СПб., 2011. – С. 113–117.

12. Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія / за заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1969. – 438 с.

Abstract. The article is devoted to the description of phraseology in the system of modern linguistic paradigm. Urgent problems and the current state of research are considered, in which the main place is occupied by the position that phraseology is a container of significant cultural heritage of the ethnos. Emphasis is placed on the study of phraseology as the basic unit of phraseology, the functioning of phrasemes in speech, their classifications, the definition of research methods.

Keywords: phraseme, phraseology, modern linguistic paradigm, classifications of phrasemes, linguocultural research.

УДК 811.161-13'373:572

Т. Е. Владимирова

АКСИОЛОГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАРЕМИЙ С ПОЗИЦИЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена аксиологическому аспекту восточнославянской паремической картины мира, которая является своего рода ключом к стоящим за ней языковым личностям. В работе представлены русские, белорусские, русинские и украинские пословицы, восходящие к архаичным мифоконцептам. Предпринятое рассмотрение образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы паремий позволило уточнить понятие коллективной восточнославянской личности.

Ключевые слова: паремия, пословица, личность, ценность, картина мира, антропология, концепт, русский, белорусский, русинский, украинский.

Паремическая картина мира – один из древнейших феноменов языка и культуры, в котором получил выражение накопленный опыт бытия, рефлексии и духовных переживаний народа, уходящих корнями в мифопоэтический образ мира. Действительно, как и миф, пословица «содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». Кроме того, ее сближает с мифом «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же (а также пословичную – Т. В.) истинность, достоверность и принципиальную закономерность» [1, с. 24].

В настоящей статье с позиций антропоцентризма рассматривается аксиология паремической картины мира восточных славян, которая является своего рода ключом к стоящим за ней языковым личностям. Ведь «культура как совокупность и система культурных ценностей предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность, немислимо без личности» [2, с. 104]. Следовательно, обращение к пословицам, в которых получила выражение «коллективная народная личность», через призму антропологии как науки о человеке и его бытии, приближает к раскрытию аксиологии «коллективного самопознания» [2, с. 117].

При этом мы опирались на концепцию этнической общности, разработанную академиком В. А. Тишковым в русле социально-культурной антропологии [3, с. 29], на культурно-историческую концепцию Г. Г. Шпета, который выделил 5 основных этапов в эволюции сознания [4, с. 79–80] и на аристотелевскую триаду процесса, которая раскрывает соотношенность замысла (*dynamis*) и собственно речевого высказывания (*energeia*) с представлением о его искомом совершенстве (*entelecheia*) [5, с. 232–233]. В этой

связи заметим, что энтелехийное начало заложено в самой природе пословицы, которая, даже отрицая и иронизируя, утверждает сокровенное.

Чтобы раскрыть степень общности восточнославянских паремий, в работе использовались пословицы русинов, которые «сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» [6, с. 126]. А в качестве основного паремиологического материала в работе использовались «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [7], «Слоўнік беларускіх прыказак» І. Я. Лепешава, М. А. Якалцэвіч [8], «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский фразеологические словари» Д. Попа [9], «Прислів'я та приказки» М. М. Пазяка [10] и другие паремиологические собрания.

В поисках базовых констант восточнославянской паремической картины мира попытаемся ответить на вопрос: **Какие фундаментальные смыслы и ценности легли в основу самобытной славянской ментальности, а затем русской, белорусской, русинской и украинской коллективных личностей?**

С этой целью обратимся к праиндоевропейскому языку как первоначальной, – «называющей» (Г. Г. Шпет), – ступени «языковлечения» древнейших протопонятий, отметив следующий факт. В эпоху матриархата «брак был смешанным в полном смысле слова, прямым следствием чего была невыясненность отцовства» [11, с. 14]. Поэтому все мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии (*phrātra*), носящей имя первопредка [12, с. 147].

Так, общеславянская номинация **otьcь* восходит к обыденному индоевропейскому термину родства **ātta* ‘принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов’, за которым стоял их Первопредок. Следовательно, возникшие позднее восточнославянские лексемы *отец / тятя, тата* (русс.), *айцец / тата* (белор.), *отиць / тато* (русин.) и *отець / тато, татко* (украин.) вбирали в себя не только кровную, но и унаследованную магическую связь с Первопредком, который олицетворял вечное единение живых и умерших родичей. Таким образом, **коллективистическая ценностная установка**, которая длительное время выполняла функцию энтелехийного прообраза бытия, имеет глубокие корни.

В неславянских языках номинации отца восходят к сакральному термину родства **pāter* ‘бог-отец’, который служил для обращения к высшим богам, например, к Зевсу *Ζεύς πάτερ!* (*Ζεύς < Διός*) или Юпитеру *Diespiter!* При этом именование матери во всех языках индоевропейской семьи было образовано от сакрального термина **māter*.

Мотив «космизации “первых людей”» (Е. М. Мелетинский) получил выражение в концептах «Небо-отец» и «Земля-мать». Возникшая на этой основе **мифологема Неба-отца и Земли-матери** воспринималась как целостное единство оплодотворяющего (мужского) и рождающего (женского) начал, а урожай – как разрешение от бремени. Известны и наделенные магической функцией формульные вокативы: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!*, которые использовались в заговорах и обрядовых действиях всех восточных славян [(подробнее об этом см. в: [13, с. 421–433). При этом концепты «муж», «мужчина», «человек» соотносились с зерном и семенем, «жена», «женщина» – с землей, готовой к посеву, а «семья» – с зернами одного семени [14, т. 1, с.288–289; т. 2, с. 378].

В качестве иллюстрации сошлемся на паремии, приведенные в «Русинско-украинско-русском и русско-украинско-русинском фразеологических словарях» Димитро Попа: *Жона – земля, а чоловік – насіння* (русин.); *Женщина – земля, а мужчина – семена* (русс.); *Жінка – земля, а чоловік – насіння* (украин.). Рассматривая эти пословицы как варианты более ранних паремий с лексемами *жена, человек* (с XI в.), обратим внимание, с одной стороны, на тождественность их образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы его выражения. А с другой, – на лаконичную лексико-

грамматическую модель: сложносочиненное предложение с союзом *а*, которое, сопоставляя, утверждает не только различие мужского и женского начал, но и их целостность.

В этой связи также заметим, что *Сварог*, древнеславянское именование Неба-отца (отсанскрит. *Svar ga* 'ходячее небо'), установил первые законы, повелев каждому мужчине иметь только одну жену, а жене – одного мужа. В дальнейшем принятие Православия еще более упрочило семейный уклад, а образ Матери-земли со временем слился в народном мировосприятии с Богородицей [15, с. 24, 75]. Таким образом, на религиозно-мифологическом этапе эволюции (Г. Г. Шпет) ценностную основу картины мира и бытия составляли **целостное мировосприятие и взаимодополнительность мужского (инструментального) и женского (экспрессивного) стилей жизни** [16, с. 15].

Возвращаясь к античным представлениям о брачном союзе Неба и Земли, заметим, что мифы о Зевсе и его супруге Гере, утратив начальную сакрализацию, со временем превратились в повествование об их внебрачных связях. Кроме того, развернувшийся процесс девальвации семейных ценностей привел к отождествлению энтелехийного ориентира бытия с мужчиной, который стремится к личностной самоактуализации. В итоге индивидуалистический модус мировосприятия и бытия стал доминирующим. Так, на некогда едином индоевропейском фундаменте сформировались различные типы народной личности и соответственно **коллективистический и индивидуалистический типы культуры** [17, с. 306].

И здесь перед нами встает вопрос: ***Сохраняет ли паремическая картина мира ценностные представления культуры коллективистического типа, которые составляли исконную основу восточнославянской ментальности?***

Принимая во внимание ограниченный объем статьи, приведем следующие пословицы, в которых выражены унаследованные фратерниальные, коллективистические и семейные ценности, восходящие к древнерусскому культу Рода, ключевой константы восточнославянской ментальности:

1) *Доброе братство – лучшее богатство* (русс.); *Добрае братэрства – лепшае багацце* (белор.); *Доброє братство милоє богатства* (русин.); *Добре братство – крає багатства* (украин.);

2) *Хороший сосед – как близкая родня* (русс.); *Добры сусед – як блізка радня* (белор.); *Добрий сусід – май ближа родина* (русин.); *Хороший сусід – як близька рідня* (украин.);

3) *Гуртом и каша вкуснее* (русс.); **Адзін у кашы няспорны* (белор.); *У рокаши и крумпля пічена смачна* (русин.); *У гурті й каша добре їсться* (украин.);

4) *Пусть будет одна каша, была б дружной семья наша* (русс.); *Хай будзе адна каша, была б дружнай сям'я наша* (белор.); *Най буде и чир, лем кобы в хижі мир* (русин.); *Нехай буде одна каша, була б дружна сім'я наша* (украин.).

Тождественность или близость образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы пословиц свидетельствует, как представляется, не только о существовании их общего источника, но и о самобытности стоящих за ними коллективных личностей. (Здесь и далее эти пословицы отмечены знаком *.) В этой связи заметим, что в паремиях, восходящих к библейскому источнику, эти отличия минимальны, что возвращает нас к мысли об особой роли духовной (энтелехийной) составляющей сознания [18, с. 113]. Приведем эти пословицы, обращая внимание на сохранность их образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы:

1) *Будет день – будет и пища* (русс.); *Дасць Бог дзень, дасць і хлеб* (белор.); **Бог днину – дасть и годіну* (русин.); *Буде день – буде і пожива* (украин.);

2) *Кесарево кесарю, а божие Богу* (русс.); *Кесару кесарава, а Богу богара* (белор.); *Богови божое, а кесарю кесарьово* (русин.); *Кесарева кесарю, а боже Богу* (украин.);

3) *Кто рано встает, тому Бог подает* (русс.); *Хто рана ўстае, таму Бог падае* (белор.); *Ко рано встає, тому Бог дає* (русин.); *Хто рано встає, тому Бог подає* (украин.);

4) *Бог судит лишь того, кто обидит кого* (русск.); *Бог судзіць толькі таго, хто пакрыўдзіць каго* (белор.); *Бог судить лем того, ко вразить дакого* (русин.); *Бог судить лишь того, кто образить кого* (украин.).

Таким образом, религиозно-мифологическое мировосприятие восточных славян обусловило общность паремической картины мира, что, разумеется, не исключало проявления в пословицах их этносоциокультурной самобытности.

Принятие православных ценностей и потребность в преодолении экзистенциальной напряженности бытия постепенно приближали переход на следующий – художественно-героический – этап в развитии сознания. Это третий из исторически возникавших «моментов», «приобщающий природную вещь социо-культурному бытию» (Г. Г. Шпет). Акцентуация героического начала и вероучительных принципов бытия способствовала появлению в фольклоре новых мотивов, героев и жанров. Так, в русском устном народном творчестве появились образы труженика-земледельца, воинов-защитников и исповедников веры (Микула Селянинович, Илья Муромец, Егорий Храбрый, Авдотья Рязаночка, Пётр и Феврония Муромские и др.).

Очевидно, что обновление восточнославянской устно-поэтической традиции получило отражение и в паремической картине мира. Так, после Крещения Руси всеильный Род продолжал восприниматься как «довольно грозная еще общественная сила» (В. Л. Комарович) [19, с. 103]. Что же касается всевластия судьбы, записанной в книгу Рода, то о нем свидетельствуют многочисленные пословицы, дошедшие до нашего времени. В рамках данной статьи ограничимся приведением лишь наиболее распространенных «народных афоризмов», обращая внимание на характерную для них образно-смысловую и семантико-синтаксическую тождественность, а также на общность архаичного мировосприятия и экзистенциально напряженного бытия, за которыми стоят унаследованные ценностные представления:

1) *Так ему на роду написано* (русск.); *Так яму на родзе напісана* (белор.); *Так му на роду написано* (русин.); *Так йому на роду написано* (украин.);

2) *Такова его судьба* (русск.); *Такі яго лёс* (белор.); *Так му было суждено* (русин.); *Така його доля* (украин.).

Крещение Руси упрочило общность лингвокультурных истоков всех восточных славян, способствуя введению в образно-смысловую ткань паремической картины мира пословиц, которые восходят к библейским текстам и также отличаются слабой вариативностью. В качестве иллюстрации сошлемся на следующие пословицы:

1) *Кто рано встает, тому Бог подает* (русск.); *Хто рана ўстае, таму Бог падае* (белор.); *Ко рано встае, тому Бог дае* (русин.); *Хто рано встае, тому Бог подае* (украин.);

2) *Бог судит лишь того, кто обидит кого* (русск.); *Бог судзіць толькі таго, хто пакрыўдзіць каго* (белор.); *Бог судить лем того, ко вразить дакого* (русин.); *Бог судить лишь того, кто образить кого* (украин.).

Тем не менее недостаточная объяснительная сила паремической картины мира усиливала потребность в преодолении экзистенциальной тревожности и общей неудовлетворенности. Утвердившийся в этой атмосфере переход на следующую, – четвертую, – ступень эволюции сознания актуализировал научно-техническое миропонимание со свойственным ему «материальным преобразованием и социализацией, но через познающее сознание» (Г. Г. Шпет). Развернувшийся пересмотр отношения к миру и бытию привел к вхождению в паремическую картину мира уничижительных оценок и к постепенной девальвации ценностных представлений о жене (1–3) и о семье в целом (4):

1) *Деньги счет любят, а жена тумак* (русск.); *Грошы кошт любяць, а жонка кухталі* (белор.); **Грѣші дѣбрі личині, а жона бита* (русин.); *Копійка любить, щоб її рахували, а жінка – щоб її били* (украин.);

2) *Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит* (русск.); **Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом растрасе* (белор.); *Кідь чоловік не –*

півбіды, кідь жона – ціла біда (русин.); *Чоловік здуріє – пів дому горить, а жінка здуріє – усе пожежею піде* (украин.);

3) *Жена не рукавица: с руки не сбросишь* (русс.); **Жонка не лапаць: з нагі не скінеш* (белор.); *Жона не рукавица, з руки не стягнеш* (русин.); *Жінка не рукавица, з руки не скинеш* (украин.);

4) **Родных много, а голова одинока* (русс.); **Сваіх многа, а як прыходзіць тапіцца, не за каго ўхапіцца* (белор.); **Родины ги вербины, а свого никого* (русин.); **Рідних аж замного, а слухати никого* (украин.).

Настоящая статья носит поисковый характер, тем не менее значительная доля тождественных пословиц вполне объяснима. Языки надстраивались над генетическим кодом, восходящим к глубокой древности. Это и обусловило изоморфизм генетического и языкового кодов [20, с. 18–19] и изначальное родство славянских, а позднее восточнославянских языков. Возникшее на этом фундаменте общее «смысловое поле» (Л. С. Выготский) обеспечивало потенциальную готовность к взаимодействию и взаимопониманию между восточными славянами. Однако своеобразие исторического пути и накопленного экзистенциального опыта привносилось в межэтнические контакты. В результате взаимодействие между восточнославянскими личностями могло не только ослабляться, но и прерываться и постепенно угасать, а общение на родном языке – сокращаться в силу приоритетности контактов на государственном языке. Так, в национальных паремических картинах мира и бытия, с одной стороны, проявлялись самобытные особенности, отражающие ценностные представления, смысло-жизненные установки и жизненный опыт, а с другой – возникали иноязычные заимствования.

Предпринятое обращение к индоевропейскому языку как истоку славянской языковой личности возвращает нас к мысли о «генной памяти» (В. В. Колесов), которая переходит от одного поколения к другому. Действительно, рассмотренные мифоконцепты позволяют в первом приближении представить развитие их ценностного потенциала от далекого праязыка до настоящего времени. Более того, анализ русских, белорусских, русинских и украинских пословиц подтверждает вывод Б. В. Горнунга, согласно которому славянское единство «обладало большею внутренней спаянностью, чем относительное единство многих других ветвей индоевропейской языковой семьи» [21, с. 3]. Действительно, ценностное ядро языка, культуры и стоящей за ними коллективной личности сохраняется при всех катаклизмах общественной жизни в силу укорененности сущностных основ бытия в языке и культуре. Однако пренебрежение унаследованными ценностями, а также влияние иных лингвокультур и традиций постепенно умаляют культурные ценности.

В заключение, возвращаясь к «коллективной народной личности» как творцу и носителю паремической картины мира, приведем вывод академика В. А. Тишкова, занимающегося исследованием вопросов, связанных с этносоциокультурным развитием. Согласно его концепции, социально-культурная антропология «все больше будет уходить от культурной нормы и типа к культурной сложности и к многокультурности, но только если понимать многокультурность не как суррогат “многонациональности”, а как сложность, начинающуюся на уровне личности» [5, с. 29]. При таком подходе открывается возможность уточнить понятие коллективной восточнославянской личности как полилингвокультурной общности, которая обладает историко-культурной памятью, а также чувством солидарности к другим членам этой общности и развивается в процессе взаимодействия и взаимопознания друг друга.

Список использованных источников

1. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во политической литературы. 1991. – 525 с.

2. Трубецкой, Н. С. К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / общ. ред. В. М. Живова. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 105–210.
3. Тишков, В. А. (2001) Интервью с профессором Валерием Тишковым / В. А. Тишков // Журнал социологии и социальной антропологии. – Том IV. – № 4. – С. 5–36.
4. Шпет, Г. Г. Архивные материалы, опубликованные в: Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / Г. Г. Шпет. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 79–80.
5. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
6. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. [Кишинев]. – 2016. – № 3. – С. 119–128.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.
9. Поп, Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари / Д. Поп. – Ужгород : [б/и], 2011. – 241 с.
10. Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. – Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. – Київ : Наукова думка, 1989. – 479 с.; Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.; Т. 3 : Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с.
11. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1970. – 456 с.
12. Комарович, В. Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. / В. Л. Комарович // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. XVI. – С. 84–104.
13. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 1. – 623 с.; Т 2. – 560 с.
14. Федотов, Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс. Гнозис, 1991. – 192 с.
15. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
16. Владимирова, Т. Е. Дохристианские верования восточных славян / Т. Е. Владимирова // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Артюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2019. – С. 421–433.
17. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – изд. 3-е. – М. : КомКнига, 2009. – 240 с.
18. Ильин, Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2003. – 365 с.
19. Гришина, Е. А. Культуры индивидуалистические и коллективистические / Е. А. Гришина // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодаева. – М. : Когито-Центр, 2011. – С. 306–308.
20. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М. М. Маковский. – изд. 2. – М. : URSS, 2007. – 201 с.
21. Горнунг, Б. В. Из предыстории образования общеславянского единства / Б. В. Горнунг. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 143 с.

Abstract. This article is devoted to the basic values of the East Slavic paremic picture of the world, which is a kind of key to the linguistic personalities behind it. Consideration of Russian, Belarusian, Ukrainian and Ruthenian proverbs, extracted by the method of continuous sampling, made it possible to clarify the concept of a collective East Slavic personality.

Keywords: paremia, proverb, personality, value, picture of the world, anthropology, concept, Russian, Belarusian, Rusyn, Ukrainian.